

УДК 821.161.1.09

**ДИАЛОГ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1870-Х Г.:
К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПИСАТЕЛЕЙ**

Т. В. Белова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

Статья посвящена своеобразному творческому диалогу М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского в произведениях 1880-х годов, который связан с видением писателями современного человека.

Ключевые слова: *«подпольный человек», рефлексия, «средний человек», внутренний диалог*

В литературоведении уже много говорилось об идейном противостоянии Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина [1], между тем именно в 1870-е гг. при всем взаимоотрицании обнаруживаются поразительные «схождения» этих писателей. В эти годы разворачивается интересный диалог художников, возможно, не всегда осознанный.

Известна негативная реакция Салтыкова на вышедшие в свет в 1864 г. «Записки из подполья», вызвавшая полемику двух писателей, отразившуюся в произведениях обоих писателей. Говоря это, мы не имеем в виду «реплики», которыми они перебрасывались в адрес друг друга, а диалог на уровне художественных средств, художественных образов.

Так, своеобразным откликом на «подпольного человека» становится герой «Господ ташкентцев» (1869–1872). В данном случае это тип «ташкентца-цивилизатора», который при всей своей циничности еще не в полной мере воплощал в себе алчность и кровожадность хищного ташкентского типа. Существует мнение, что первый по времени публикации в «Отечественных записках» очерк «Ташкентцы-цивилизаторы» еще не содержал полной художественной и публицистической характеристики нового типа «хищников». Этот герой схвачен Салтыковым в момент нравственного выбора, «на пороге», когда он уже практически принял решение, и ему остается, так сказать, «перешагнуть порог», то есть влиться в толпу «хищников», у которой ничего «не осталось, кроме ужасного аппетита!» [4, т. 10, с. 44].

«Я чувствую, что в жизни моей готовится что-то решительное, – говорит герой-ташкентец, – это невольно заставляет меня чаще и чаще обращаться к самому себе. Бывают минуты, когда откровенная оценка пройденного пути становится настоятельной потребностью всего человеческого существа. По-видимому, одна из таких минут наступает теперь для меня...» [4, т. 10, с. 47]. Герой принимает «разумное решение» – «разумное» с точки зрения сознания, деформированного жизненными реалиями, «которые управляют подспудно действиями человека – винтика

административной машины, участника жестокой социальной "свары"» [3, с. 166]

Трагическое мироощущение «подпольного человека» – «тоска развитого и сознающего существа» – в определенной мере переживается и салтыковским героем. Это сознание своей не востребоваемости: «Многие спрашивают меня: чего ж я достиг? но разве на этот вопрос я, с своей стороны, не могу ответить другим вопросом: а чего же, милостивые государи, может достигнуть человек, прогоревший дотла? человек, который не имеет ни воспоминаний, ни надежд, у которого нет ничего внутри, кроме разорения? Конечно, ничего другого, кроме того, чтобы как-нибудь не пропасть, чтоб не быть вконец искалеченным и хоть изредка да возобновлять в себе вкус тех благ, которые теперь выбрасываются ему в виде обглоданной кости, но которые некогда составляли фонд его существования» [4, т. 10, с. 50].

Речь «ташкентца», как и речь героев Достоевского, внутренне диалогична – это слово с «оглядкой» на другого человека, живущей внутри героя. Но в речи «ташкентца» своеобразно синтезировались и «корчащееся» слово Макара Деушкина, и «раздваивающееся» – господина Голядкина, и «исповедально-обнаженное» – «человека из подполья». «Сознаюсь без оговорок, – говорит герой Салтыкова, – я не имею права быть очень высокого о себе мнения. Лучшее из качеств, которыми я обладаю, есть нечто вроде сократовского: я знаю, что ничего не знаю. <...> Не помню, в какой именно из шекспировских комедий герой пьесы задает себе вопрос: что такое невинность? – весьма резонно отвечает: невинность есть пустая бутылка, которую можно наполнить каким угодно содержанием. Хотя, с точки зрения моралистов, это сравнение для меня не совсем выгодно, но я должен сказать правду (разумеется, по секрету), что оно подходит ко мне довольно близко. Пустая бутылка! – лестного, конечно, немного для меня в этом сравнении! – но для чего ж бы, однако, я стал отрекаться от этого званья? и разве сущность дела может измениться от того, что некоторые из этих бутылок высокомерно называют себя сосудами?» [4, т. 10, с. 48].

Как и «подпольный человек», который «сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека» [2, т. 4, с. 458], «ташкентец», причисляя себя к разряду «пустых бутылок», осознает свой скорый конец как личности: «С моей стороны уже и то значительный шаг вперед, что я начинаю смутно сознавать, что ничто не способно так скоро дать трещину, как посудина, которую слишком часто то наполняют, то опоражнивают. Я чувствую, что уже недалек момент разложения...» [4, т. 10, с. 48]. И «подпольный человек», и «ташкентец-цивилизатор» оказываются в ситуации нравственного выбора, который заранее предрешен. «Неужели же, – говорит «ташкентец», – погибать из-за того только, что явился в свет посудиною? и явился произвольно, нимало не участвуя в этом акте ни сознанием, ни волею?.. Что остается мне делать после таких ответов? Измениться – я не могу; погибнуть – не имею ни малейшей охоты. Остается, стало быть, откровенно стать в ряду пустых бутылок и этим действием окончательно закрепить законность моего присутствия на арене всероссийской цивилизующей деятельности» [4, т. 10, с. 49]. Размышления героя перекликаются с выводами, к которым приходит «подпольный человек»

в повестях Достоевского: «Всякий порядочный человек нашего времени есть и должен быть трус и раб. Это – нормальное состояние» [2, т. 4, с. 487]. Отсюда и притягивает героя «мерзостей жизни», отказ от «фантазий», от желания быть не таким, как все. «Да и вообще мы должны, не уставая, повторять себе, – утверждает «подпольный человек», – что непременно в такую-то минуту и в таких-то обстоятельствах природа нас не спрашивает: что нужно принимать ее так, как она есть, а не так, как мы фантазируем...» [2, т. 4, с. 471].

Герои сближаются в своих отношениях к «чужому», но этот «чужой» оказывается одним из многих, таких же, как и они сами, в конечном счете – вторым «Я». Герои ненавидят, презирают свое «Я» – этого своеобразного «двойника» своей личности. «Я не могу не сказать внутренно: «Да, твое место не здесь, не среди этих цветущих силою и уверенностью людей, а там, в вагоне третьего класса, в кругу надломленных, потухших и полинявших людей с завистливыми взорами, людей, торопливо проглатывающих очищенную и раздражающих зубами окаменелую колбасу! В эти горькие минуты я явственно слышу, как внутренности мои колышутся под наплывом ненависти-ненависти к кому? К тем ли, которые меня презирают? Нет, не к ним, <...> а именно к тем, кого я сам презираю...» [4, т. 10, с. 51]. «Подпольный человек» находится во внутренней полемике с «другими», с самим собою и, в конечном счете, ненавидящий самого себя и получающий наслаждение в этой ненависти и презрения, уходит в уродливый мир «подполья». Салтыковский «ташкентец» принимает «мерзость» действительности и начинает воспринимать себя ее частью. Интересно, что, «обнажая» современную действительность, вскрывая ее сущность, Салтыков использует характерный прием: он заставляет героев обнажить свое тело в полном смысле этого слова и вместе с тем обнажить суть самой их жизни.

Любопытен еще один пример «схождения» Салтыкова и Достоевского. В разделе «Ташкентцы-цивилизаторы» герой, отправляясь в Петербург поездом, сообщает об одном своем наблюдении: «Я еще прежде замечал, что, по какой-то странной случайности состав путешественников, наполняющий вагоны, почти всегда бывает однородный. Так, например, бывают вагоны совершенно глупые, что в особенности часто случалось вскоре после заведения спальных вагонов. Однажды, поместившись в спальном вагоне второго класса, был лично свидетелем, как один путешественник, не успевши еще осмотреться, сказал:

– Ну, теперича нам здесь преотлично! Теперь ежели мы даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может!

И действительно, он скинул с себя все, даже сапоги, и в одном белье начал ходить взад и вперед по отделениям. Эта глупость до того заразила весь вагон, что через минуту уже все путешественники были в одном белье и радостно приговаривали:

– Ну, теперь нам здесь преотлично! Теперь, ежели мы и совсем разденемся, так никто ничего сказать нам не смеет!

И таким образом ехали все вплоть до Петербурга, то раздеваясь, то одеваясь и выказывая радость неслыханную» [4, т. 10, с. 45].

Ситуация, разыгранная в этом отрывке, с нашей точки зрения, по своей сути близка известному эпизоду из рассказа Достоевского «Бобок», в котором

Калиневич предлагает мертвецам «обнажиться»: «Я предлагаю всем провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

– Ах, давайте, давайте ничего не стыдиться! – слышались многие голоса, и, странно, слышались даже совсем новые голоса, значит, тем временем вновь проснувшихся. <...>

– Обнажмся, обнажмся! – закричали все голоса. <...>

– Главное, что никто не может нам запретить...» [2, т. 21, с. 52].

Очерк Салтыкова был опубликован в «Отечественных записках» в 1869 г., рассказ же Достоевского впервые увидел свет в «Гражданине» в 1873 г. Мы далеки от мысли о прямом «заимствовании». Безусловно, источниками рассказа «Бобок» явились совершенно другие произведения [5, с. 402–409]. Но, говоря о «схождении» двух писателей в 1870-е годы, необходимо отметить близкую трактовку определенных явлений. Жизненная установка героя Достоевского, выраженная в циничном предложении «обнажиться», перестать «стыдиться», отражает позицию «среднего человека» в 1870-е гг. Именно в эти годы Салтыков говорит о «потере совести» современным человеком («Пропала совесть», 1869). Утрата стыда – это возможность приспособиться, «приноровиться» к действительности, но это и путь к нравственной смерти. Герой Достоевского, как и его «соседи» по кладбищу, живет «как бы по инерции». «Ведь мы умерли, а между тем говорим, – замечает один из героев, – как будто и движемся, а между тем не говорим и не движемся!» [2, т. 21, с. 51]. Все они утратили свою душу, совесть еще до смерти.

Собственно, тему «омертвления» или «озверения» души современного человека Салтыков делает центральной в «Господах ташкентцах». Современный человек уподобляется Салтыковым горилле, все желания которого подчинены одному – «Жрать!». «Жгучая мысль об еде не дает покоя беззвучным; она день и ночь грызет их существование. Как добыть еду? – в этом весь вопрос <...>. Чем больше он ест, тем больше он голоден, и это объясняется тем естественнее, что он, даже утратил привычку утолять свой голод порядочным образом» [4, т. 10, с. 25].

Развивая тему «среднего человека», Салтыков размышляет о судьбе поколения «людей сороковых годов». И герой очерка «Они же» из книги «Господа ташкентцы», и «провинциал» из более позднего «Дневника провинциала в Петербурге» (1872) в прошлом исповедовали веру в «добро, истину, красоту» и считали себя друзьями Грановского. Но действительность, нравственно уродуя «среднего человека», превращает одних в «неумолимых гонителей всякого живого развития», других – в жертв современных «хищников». С. Д. Лицинер определила сущность салтыковских образов как «синтез жизненно-безжизненного» [3, с. 168]. «Внутренний квартальный», поселившийся в душе «среднего человека», заставляет его участвовать в современной «фантасмагории».

Герой Салтыкова становится участником страшного спектакля, где он теряет совесть, достоинство и просто способность трезво мыслить. Так, герой-«провинциал» из «Дневника провинциала в Петербурге», только появившись в столице, сразу оказывается вовлеченным в «фантастическую» жизнь города.

Воспринимая современную жизнь на грани реальности и фантастики, Салтыков-Щедрин, как мы уже говорили, изображает ее подчеркнуто алогично. «Провинциал» постоянно находится в состоянии между сном и явью, причем реальность больше похожа на кошмарный сон. Каждый день, засыпая, он надеется, «что завтра, в эту пору, Петербург, с его шумом и наваждениями, останется далеко, позади...» [4, т. 10, с. 494]. Но и во сне герой не может освободиться от «петербургских» кошмаров: «Сначала передо мной проходит поодиночке целая вереница вялых, бесцельно глядящих и изнемогающих под игом апатии лиц, постепенно эта вереница сгущается и образует довольно плотную, темную массу, которая полубезумно мечется из стороны в сторону, стараясь подражать движениям настоящих, живых людей; наконец, я глубже и глубже погружаюсь в область сновидений, и воображение мое, как бы утомившись призрачностью пережитых мною ощущений, останавливается на единственном связном эпизоде, которым ознаменовалось мое пребывание в Петербурге. Эпизод этот – тот самый сон, который я видел месяцев шесть тому назад и в котором фантазия представила меня сначала миллионером, потом умершим и, наконец, ограбленным» [4, т. 10, с. 495].

Здесь мы сочли уместным вновь обратиться к рассказу Достоевского «Бобок». И герой-рассказчик в «Бобке», и «провинциал» Салтыкова оказываются в похожих ситуациях: оба героя приходят на кладбище «развлечься». У Достоевского: «Ходил развлекаться, попал на похороны» [2, т. 21, с. 25]; у Салтыкова герой получает предложение от помещика Прокопа: «Айда со мной на Смоленское! Там, брат, в кухмистерской на казенный счет поминки устроены, так кстати закусим и выпьем <...>. Потом отправимся обедать к Дорогу, а там уж и на Минералы рукой подать! Каких, брат, там штучек с последними кораблями привезли!» [4, т. 10, с. 432]. Но, в отличие от героя Достоевского, который стал свидетелем «оживления» мертвецов, «провинциал», сталкиваясь с живыми людьми, видит в них живых мертвецов, кукол-марионеток, лишенных души.

Оказавшись в атмосфере бессмысленности, алогизма, «провинциал» должен был или принять ее, или оказаться выброшенным, раздавленным «фантастической» действительностью. Собственно говоря, именно это и происходит с героем Салтыкова: он, по одному из замыслов писателя, оказывается в больнице для умалишенных, а причина – это нежелание героя принять действительность, отказаться от идеала; отсюда и определение сумасшествия как «обнажения тех идеалов человека, которые он в нормальном состоянии не решает высказать... Вся разница между здоровым человеком и помешанным заключается в том, что первый полагает известную границу между идеалами и действительностью, а второй никакого различия в этом смысле не признает» [4, т. 10, с. 604].

О том, как легко сделаться «сумасшедшим» современному человеку, рассуждает и герой-повествователь в рассказе Достоевского: «Однако же вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: "Все-таки ты, говорит, литератор". Я дался, он и выставил. Читаю: "Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо"».

Оно пусть, но ведь как же, однако, пак прямо в печати? В печати надо все благородное; идеалов надо, а тут...» [2, т. 21, с. 41–42].

Но следование идеалам, желание воплотить их в жизнь делает человека в лице окружающих сумасшедшим. Так размышляет далее герой Достоевского: «А насчет помешательства, так у нас прошлого года многих в сумасшедшие записали. И каким слогом: ”При таком, дескать, самобытном таланте... и вот что под самый конец оказалось... впрочем, давно уже надо было предвидеть...”» [2, т. 21, с. 42]. Таким образом, мы можем говорить не только об идейном противостоянии двух великих писателей, но и о своеобразном творческом диалоге, напрямую связанном с их видением современного человека.

Список литературы:

1. Борщевский, С. Щедрин и Достоевский [Текст] / С. Борщевский. – М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1956. – 392 с.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 4 : Записки из Мертвого Дома. – 1972. – 323 с. – Т. 21 : Дневник писателя 1873. Статьи, очерки, корреспонденции из журнала «Гражданин» 1873–1878. – 1980. – 551 с.
3. Лицинер, С. Д. На грани противоположностей (Из наблюдений над сатирической поэтикой Щедрина 1870-х годов) [Текст] / С. Д. Лицинер // Салтыков-Щедрин: Статьи, материалы, библиография. – Л. : Наука, 1979. – С. 166–168.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1965–1977. – Т. 10 : Господа ташкентцы 1869–1872. Дневник провинциала 1872. В больнице для умалишенных 1873. – 1970. – 839 с.
5. Туниманов, В. А. Комментарий к «Дневнику писателя» за 1873 год [Текст] / В. А. Туниманов // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 21 : Дневник писателя 1873. Статьи и заметки. 1873–1878. – с. 402–409.

THE DIALOGUE BETWEEN M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND F. M. DOSTOEVSKY IN 1870th. (AS TO CREATIVE STRINGS OF THE WRITERS)

T. V. Belova

Tver State University

The department of history Russian literature

The article is about special creative dialog between Mikhail Saltykov-Shchedrin and Fedor Dostoevsky in the works of 1870th, which is about the author's image of the modern man.

Key words: "underground man", "everyman", reflection, internal dialogue

Об авторах:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volktanja@mail.ru